



Г. Ф. Богачева

bogatchevanastja@rambler.ru

старший научный сотрудник
отдела учебной лексикографии
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Внутренняя форма слова в лексикографическом рассмотрении

Лексикография, семантизация, мотивированность слова, внутренняя форма слова, этимология.

В статье рассматриваются перспективы опоры на внутреннюю форму слова при семантизации заголовочных слов в словаре, раскрываются способы отражения внутренней формы слова при описании значений производных лексических единиц (главным образом с помощью толкований) и непроединительных единиц, внутренняя форма которых в синхронии неясна (посредством дополнительной семантизации в историко-этимологическом разделе словарной статьи). Отдельно рассматривается вопрос о внутренней форме заимствованных слов и ее отражении в словаре.

Термин «внутренняя форма слова» чаще всего связывают с понятием мотивированность, которое отражает, в самом общем виде, факт неслучайного характера смысловых и формально-смысловых связей между лексическими (а также лексико-семантическими) единицами. Слово является мотивированным, если у него отмечается наличие внутренней формы. Характер мотивированности слова зависит от типа внутренней формы слова. Она может быть деривационной и недеривационной. Недеривационная внутренняя форма — это «первоначальная точка отправления мыслей» (А.А. Потебня), исходный образ, который послужил основой первичной номинации слова, стал его исходным значением. В современном языке недеривационная внутренняя форма, как правило, — факт диахронии, объект этимологического анализа. Деривационная внутренняя форма — это формально-семантическая обусловленность слова другим словом, основанная на их системных связях. Такой внутренней формой обладает значительный пласт лексики, объеди-

ненной отношениями производности разной природы. Среди них выделяют а) отношения словообразовательной производности (мотивированность одного слова другим словом, основой, морфемой или морфемами: *петь* — *запеть*, *воспеть*, *пение*, *певец*, *певучий*; внутренняя форма в этом случае есть результат и формальных и семантических преобразований на основе системных связей слова [1: 116–117]) и б) отношения семантической производности (мотивированность одного значения слова другим его значением: *дуб* — ‘*дерево*’, ‘*древесина этого дерева*’, перен. ‘*глупый человек*’ (с трудом поддающийся интеллектуальному воздействию, как плохо поддается обработке *древесина этого дерева*)¹.

¹ Ср. классификацию видов мотивированности, предложенную С. Ульманом: а) фонетическая, или естественная (напр., междометия), б) морфологическая, морфематическая (т.е. отношения словообразовательной производности) и в) семантическая [6: 255]; или сходную с ней И.С. Торощева: а) мотивировка подражанием, б) мотивировка признаком и в) мотивировка содержанием [5: 59–60].

Наиболее бесспорным в лексикографическом отношении является предъявление значения слова с опорой на его внутреннюю форму при наличии у него словообразовательной ценности (т.е. способности быть частью словообразовательного гнезда) и семантико-деривационной ценности (т.е. наличия у слова ЛСВ, образованных от ЛСВ того же слова).

Опора на словообразовательную ценность слова при его семантизации в словаре — один из признанных способов лексикографического описания заголовочной единицы как в толковании, так и в других частях словарной статьи². Семантизация производных слов, образованных по регулярным словообразовательным моделям, описывается нами в [2, 3]. Более сложным вариантом является ориентация на внутреннюю форму, или производящие словообразовательные элементы, при описании слов, не входящих в сферу действия регулярных моделей. В этом случае использование каких-либо «строгих» моделей толкования представляется проблематичным. Для таких словообразовательных значений — в отличие от регулярных — возможна семантизация только в рамках толкования (обращение к другим аспектам описания уточняет ее, но не доводит до желаемого максимально возможного уровня). Итак, при интерпретации подобного рода производного слова является желательным использование в толковании производящего слова: **Автоматический** — 1.0. Такой, к-рый является **автоматом**, действует после включения без непосредственного участия человека. *А. устройство <...>*. В случае когда этот принцип реализовать не удастся, следует обратиться к предыдущей ступени словообразовательного ряда или к ближайшему соотносимому по значению однокоренному слову: **Любимец** — человек, к-рого (животное, к-рое) особенно

² Такой способ в разных формах используется, например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (все издания), «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (все издания) и создаваемом в отделе учебной лексикографии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина «Всеохватном объяснительном словаре русского языка».

любят, отличают среди других, остальных. *Всеобщий л. Л. публики (любимец и любить соотносятся через любимый); Каток* — 1.0. Ледяная площадка для **катания** на коньках <...> (*каток* и *катание* — производные от *катать*; первое — через *кататься*, второе — непосредственно).

Возможен вариант, когда значение слова таково, что ни тот ни другой принципы неприменимы (толкование получается неестественным или сложным), а образ, положенный в основу номинации, ясно соотносится с производящим словом. Тогда возникает необходимость совмещения семантического описания (т.е. толкования) и информации, содержащейся в словообразовательной зоне словаря³: **Каток** — <...> 2.0. Тяжелая дорожная машина для выравнивания и уплотнения грунта, выравнивания дорожного покрытия. *Дорожный к. <...> || <...> От глаг. кататься*. Если обратиться к первому значению производящего слова **кататься** — ‘двигаться, вращаясь, скользя или перемещаясь на колесах по какой-л. поверхности’, — то станет ясно, что словообразовательная отсылка является не чем иным, как отсылкой и к внутренней форме как исходному образу.

Разумеется, описанными способами презентация внутренней формы слова как его словообразовательной мотивированности не исчерпывается, но эти — одни из самых типичных.

Внутренняя форма как семантико-деривационная характеристика ЛСВ заголовочных слов, точно так же, как словообразовательная ценность слова, нередко лежит в основе лексикографического описания. Словарная практика знает многие способы описания регулярных деривационных семантических моделей. Однако за пределами выраженной регулярности остается огромное число многозначных единиц, ко-

³ В настоящей статье объектом рассмотрения является находящийся в работе в отделе учебной лексикографии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина «Всеохватный объяснительный словарь русского языка», который является источником всего иллюстративного материала статьи. Все рассуждения, касающиеся структурных особенностей словаря, относятся к нему же.

торые тем не менее в той или иной форме демонстрируют общие принципы развития значений. Проблема в том, что — в отличие от регулярных дериваций — эти деривации отмечаются у единиц разных смысловых групп и грамматических категорий, т.е. их сложно семантизировать группой — в каждом случае приходится принимать отдельное решение. Однако и здесь можно сформулировать некие правила, следование которым позволяет демонстрировать семантическую структуру слова и его внутренние связи.

Одно из них — последовательно (по возможности, конечно) представлять в эксплицитном виде те семы исходного значения лексической единицы, на основе которых формируется производное значение: **лапа** — 1.0. Стопа или вся **нога** у животных и птиц (обычно **крупных**). *Собачья л.* 1.1. *разг.* Рука или **нога** человека, обычно **большая**. *Он своими лапами что угодно сломать может* (общие семы ‘крупный’, ‘конечность’).

В случае если прямая экспликация невозможна, применяется представление деривационных связей «через ступень» (по аналогии с представлением словообразовательных связей), т.е. применение в толковании ближайших по смыслу семантических элементов — синонимов и идеографических синонимов, антонимов (в соответствующей формулировке), слов одной тематической группы и др.: **лежать** — 1.0. **Находиться в горизонтальном положении на какой-л. поверхности**, располагаясь на ней всем телом (о людях и животных). *Л. в кровати.* 1.1. *разг.* Болея, **находиться в постели**. *Л. с температурой.* (‘находиться в постели’, значит ‘быть в горизонтальном положении’).

Если представление семантической деривации посредством экспликации внутренних связей оказывается затруднительным или слишком искусственным, начинает действовать другое правило — правило актуализации внутренней формы. Под актуализацией внутренней формы мы понимаем прямое обращение к образу, зафиксированному тем или другим значением семантизируемого слова, например: **легкомысленный** — <...> 1.4. Такой, к-рый **вызывает ассоциации**

с чем-то легковесным, несолидным, беззаботным, беспечным. *Л. пьеса. Л. наряд;* **колокольчик** — <...> 3.0. Травянистое растение с темно-голубыми или лиловыми цветками, **по форме напоминающими маленькие колокола** <...> (здесь также опосредованно вводится опора на словообразовательную ценность слова); **лечь** — <...> 3.1. *1 и 2 л. не употр.* Опустившись или **как бы опустившись** на какую-л. поверхность, на какой-л. предмет, покрыть собой. *На поля лег снег. Рука легла на телефонную трубку.* Заметим, что элементы значения, используемые для актуализации внутренней формы в структуре значения, могут иметь совершенно разный вес, то есть входить в состав сигнификативного значения слова (*колокольчик*), денотативного значения, сигнификативного и / или денотативного фона (*легкомысленный, лечь*).

Если явления, связанные с мотивированностью слова с точки зрения его деривативных свойств, практически всегда находятся в сфере внимания любого объяснительного словаря (свойства, обусловленные системой языка, невозможно проигнорировать), то возможности отражения в нем внутренней формы в понимании А.А. Потебни, т.е. образа, положенного в основание первичной номинации, не кажутся такими уж бесспорными.

Словарное описание слов в этом аспекте имеет свою бесспорную часть, и это связано опять-таки с их деривационными свойствами, ср., например: **подснежник** — травянистое лесное растение с белыми опущенными вниз цветками, к-рые распускаются ранней весной, **сразу после таяния снега** <...>; **подсолнух** — травянистое растение, к-рое <...> имеет **поворачивающуюся за солнцем** головку <...> (здесь частью происходит опора на исходный образ — это сделано эксплицитно: и описанием, и приведением производящего слова, частью же — имплицитно, путем обращения к прогнозируемым знаниям адресата словаря о значениях префикса *под-*). Сходная картина происходит и с семантической деривацией, когда исходный образ, проходя через разные ступени семантических преобразований, становится ос-

новой наименования совершенно другого объекта, ср., например, *мама* — <...> 1.1. *разг.* Женщина по отношению к своим детям (<...> в речи взрослых выражает ласку или почтительное отношение). <...> 2.0. *жарг., в информатике.* Материнская плата компьютера. <...> (образ *мамы*, от которой зависят дети, преобразовавшись, отражается в названии важной для работы компьютера детали, которое еще поддерживается фонетически; сохраняется даже коннотация ласки и почтительности, хотя и добавляется оттенок фамильярности⁴).

Обращение к недеривационной внутренней форме слова, которая не представлена, как правило, ни в одном из современных значений слова, а только присутствует в нем, как намек на нечто когда-то существовавшее, для объяснительного словаря современного языка представляется не вполне очевидным. Одной из причин включения в словарь, условно говоря, исторической информации является ориентация описания на максимальный объяснительный эффект. Второй причиной такого решения является учет потребностей предполагаемых групп адресатов словаря: для учащихся и носителей языка сведения о внутренней форме слова будут способствовать формированию более полного представления о значениях слов, придавать лексическим познаниям объемность и историческую перспективу, способствовать развитию навыков языковой рефлексии. Для специалистов (преподавателей, методистов, лингвистов и т.д.) словарь может предложить предельно полную в рамках его жанра информацию о семантической истории слова и ее отражении на современном этапе.

Возникает вопрос, каким образом представлять такую информацию и насколько далеко следует углубляться в историю слова. Поскольку *эта* внутренняя форма определенно не является элементом сигнификативного значения слова, а находится где-то на периферии его семантики, то со-

вершенно ясно, что это не может быть толкование. Следовательно, для представления такого рода информации требуется выделение особой зоны словарной статьи — зоны историко-этимологических справок. Подобная информация должна содержать только те сведения, которые относятся собственно к внутренней форме, объясняют, какой именно образ лег в основу значения слова: все же прочие этимологические сведения должны быть отсечены, т.е. диахроническая информация исчерпывается на ступени представления искомого образа.

Внутренняя форма слова в рассматриваемом смысле присуща лексическим единицам в разной степени: она может читаться достаточно ясно (*здороваться* < *здоровье*), быть более сложной и требовать некоторого анализа (*ловкий* < *ловить*, *негодяй* < *не годится*) и не читаться вовсе, т.е. раскрываться только после специальных исследований (*лебедь* ← *праслав. *lebedь* ← **elbedь* < *и.-е. основа *albh-o-* — ‘белый’). В последнем случае даже говорят об утрате внутренней формы.

В словарном описании слово, имеющее доказанную, т.е. научно восстановленную внутреннюю форму (в том числе так называемую утраченную), сопровождается соответствующей информацией в зоне историко-этимологических справок. Этот раздел словарной статьи включает также необходимые исторические пояснения, способные актуализировать внутреннюю форму: *лечить* <...> *др.-герм. *leca* — ‘лекарство’ < *и.-е. корень *leg-* — ‘собирать, подбирать’ (т.е. предположительно, в основу значения легло представление о сборе лечебных трав); *матрешка* < *Матрена* — женское имя, широко распространенное в народной (главным образом крестьянской) среде в период возникновения промысла (XIX в.) и ставшее поэтому обозначением персонажа, изображаемого данной куклой. Словарные статьи, в которых описываются заголовочные единицы с действительно утраченной внутренней формой, либо не содержат историко-этимологической зоны, либо ограничиваются минимальной справкой, дающей сведения о происхождении слова: *висеть* ← *праслав.*

⁴ Возможно, конечно, что *мама* как слово компьютерного жаргона — это калька английского *mother [board]*, однако тогда в качестве заимствования логичнее было бы ожидать слова *мать*, но оно в указанном значении употребляется крайне редко.

*visěti <?; мак ← праслав. *макъ (в первом случае исследователи предполагают у слова наличие какой-то истории (заимствование, например), во втором — лишь отмечают принадлежность слова к праславянскому лексическому фонду).

Особо стоит рассмотреть вопрос о внутренней форме заимствованных слов. В этом вопросе преобладает мнение, в соответствии с которым в языке-реципиенте заимствования лишены внутренней формы. Считается, что морфемы, формирующие производное заимствованное слово, в «неродном» языке ничего или почти ничего не значат, а совпадение исходного образа номинации в разных языках маловероятно в силу несовпадения языковых картин мира.

Представляется, однако, что, заимствуя слово, мы заимствуем (пусть частично, не полностью) и его внутреннюю форму⁵, только результат этого процесса не для всех носителей языка релевантен и почти для всех пребывает в имплицитном виде. Сделать этот результат зримым — одна из задач объяснительного словаря. Основным принципом представления внутренней формы заимствованного слова является доведение соответствующей информации до ступени полного раскрытия положенного в основу номинации образа. Отличие от описания исконного слова состоит в том, что в раздел историко-этимологических справок переходит и информация о словообразовательной внутренней форме заимствованного слова, поскольку его «родное» морфемное членение не является фактом системы русского языка. В целом, сведения о заимствованных словах должны фокусироваться на тех семантических «скрепах», наличие которых и позволило процессу перехода слова из одного языка в другой осуществиться.

Отражение внутренней формы заимствованного слова зависит от ее характера. Если слово — словообразовательная калька, то приводится, во-первых, сама лексическая единица языка-источника и, во-вторых, ин-

формация о значении в нем составляющих слово морфем, что и позволяет, как кажется, дать представление о его мотивированности (в языке-источнике — словообразовательной, в языке-реципиенте — через перевод отдельных частей слова — семантической, в том числе образной): *любозвательный* < *словообразовательная калька греч. philomathes* < *phileo* — ‘люблю’ + *mathein* — ‘учиться; изучать; узнавать’; *насекомое* < *словообразовательная калька лат. insectum* — *букв. ‘насеченное; животное, имеющее насечки, разрезы’* (канавки, разделяющие тело на голову, грудь и брюшко) < *insecare* — ‘рассекать; разрезать; надрезать’ < *и.е. корень *sek-* — ‘резать’ (т.е. название дано по составчатому, как бы слегка рассеченному телу данных животных) (при необходимости рассмотрение «порождающих» смыслов слова продолжается до базовой семы; как и везде, дается дополнительный комментарий). Если заимствованное слово — результат многоступенчатого заимствования, одной из ступеней которого является значимое словообразовательное калькирование (то есть сыгравшее роль в формировании семантики слова в русском языке), то оно находит свое место в словарном описании: *восток* ← *ст.-сл. въстокъ* — ‘восход, место восхода солнца; восток’ < *калька греч. anatolē* < *ana-* (*въз-*) — ‘вверх’ + *tolē* (*токъ от глаг. течи*), т.е. букв. ‘подъем’. Следует подчеркнуть, что развернутая информация имеет право на существование только при наличии реальных смысловых (прямых, ассоциативных или иных) связей. Если же эти связи мнимые, а такое возможно, информация должна быть минимальной. Так, слово *незабудка* является довольно точной словообразовательной калькой немецкого *Vergissmeinnicht*; с точки зрения мотивированности в русском языке оно кажется очень ясным (*не забудь* + суффикс *-к-*, часто встречающийся в названиях цветов) и в то же время — в отличие от обозначений многих других цветов — не имеет в своей основе никаких ассоциаций или образов. Поэтому словарная статья ни в толковании, ни в разделе этимологических справок никаких иных сведений за исключением язы-

⁵ То есть можно предположить, что вместе с закрепленным за корнем или основой заимствованного слова значением в язык-реципиент переходит в той или иной степени его внутренняя форма.

ка-источника и вида слова в нем не содержит: нет реальной смысловой связи — нет информации в соответствующем разделе.

Второй значительной группой заимствованных слов являются слова, словообразовательно мотивированные в языке-источнике и мотивированность которых может значительно «оживить» значение слова в языке-реципиенте: *внушить* ← *ст.-сл. вѣноушити* < *вѣн* — ‘в’ + *оуши* — ‘уши’, т.е. букв. ‘вести в уши, заставить услышать’; *волейбол* ← *volleyball* < *volley* — ‘бить на лету’ и *ball* — ‘мяч’.

Если слово является результатом семантического калькирования, в центре внимания располагаются семантические основания сближения слов разных языков: *гвоздь* в знач. ‘самое интересное, впечатляющее в чем-л.’ < *калька фр. clou* — ‘гвоздь’ < *le clou de l'exposition* — ‘гвоздь выставки’ (это выражение было пущено в оборот в качестве саркастического обозначения выстроенной к Всемирной парижской выставке 1889 г. Эйфелевой башне).

Следующая группа заимствований — слова, которые в языке-источнике сами являются заимствованиями из других языков либо образованы на основе иноязычных единиц. Их мотивированность имеет сложную структуру: во-первых, это значение слова в непосредственном языке-источнике и, во-вторых, его же значение в языке-источнике «второго порядка», причем последнее нередко является в отношении русской единицы тем самым первичным образом, положенным в основу номинации. Мотивировка подобных единиц значима для русского языка, поскольку актуализирует либо образ, положенный в основу номинации, либо понятие, обозначаемое словом, либо то и другое в разных соотношениях: *ветеран* ← *фр. vétéran* < *лат. veterānus* — ‘испытанный, опытный’ < *vetus, род. veteris* — ‘старый’; *картофель* ← *нем. Kartoffel* ← *Tartuffel* < *ит. tartufolo* — ‘трюфель’ ← *лат. terratuber* — букв. ‘земляная шишка’.

Еще одна группа — лексические единицы, непосредственно заимствованные из какого-либо языка. В языке-источнике мотивированность «изначальных» единиц

может быть любой (словообразовательной, семантико-деривационной, первообразной), но в языке-реципиенте соответствующие слова мотивированы понятием, образующим их значение в исходном языке. И если это понятие релевантно нынешнему значению русского уже слова, оно должно сыграть свою роль в его семантизации. Например: *наркотик* < *греч. narkōtikós* — ‘приводящий в оцепенение’; *карандаш* < *тюрк. *karadaş* — ‘черный камень’; *василек* ← *греч. basilikon* — букв. ‘царский’ < *basileus* — ‘царь’ (название дано по форме цветка, напоминающего царскую корону).

Чаще всего заимствованные заголовочные единицы, нуждающиеся в презентации внутренней формы, образуют группы смешанного типа, т.е. такие, в которых присутствуют в разных пропорциях все описанные выше признаки: *караул* ← *тюрк. kagaul* — букв. ‘стража, группа вооруженных людей, охраняющих кого-то-л.’ ← *монг. харуул* (в тюркских языках сближается со словами с корнем «кара-» — ‘смотреть’; возникновение междометия основано на призыве вооруженной стражи на помощь); *камера* ← *нем. Kammer* < *лат. camera* — ‘свод, сводчатый потолок; помещение, комната’ < *греч. kamara* — ‘свод, помещение под сводом’ и др.

Экспликация внутренней формы деривационного типа в словарном описании лексических единиц представляется безусловно оправданной и эффективной. Таким же продуктивным является использование историко-этимологической информации при раскрытии первичного образа номинации заголовочного слова (внутренней формы недеривационного типа). В том или ином виде, в разной степени проявленности основание номинации, ход мыслей при наименовании явления может быть прослежен и представлен в достаточно большом количестве случаев как результат этимологического анализа слова (даже в случае утраты словом внутренней формы на уровне синхронии).

Считаем целесообразным признание наличия недеривационной внутренней формы у заимствованных слов, поскольку экспликация источников номинации слов этой груп-

пы, логики выстраивания их семантики, безусловно, способствует усвоению и уточнению их места в русской лексической системе и роли в русской языковой картине мира.

В целом представление внутренней формы слова в словаре можно квалифицировать как формирование тех самых «семантизирующих потоков разной разрешающей силы» [5: 466], в совокупности с другими позволяющих добиться наивысшей эксплицитности и синергетичности словарного описания, т.е. дать максимально полный объем информации о слове и его системных связях.

Каждый из этих потоков (соответствующий одному из типов отражаемой внутренней формы слова) не только делает более точным собственно определение слова, более показательными и четкими разнообразными связями слов и значений слов, но и способствует появлению в словаре исторической перспективы, расширению объема представления семантики слова, естественно включая в нее элементы значения, обычно в лингвистические словари не включаемые — элементы сигнификативного или денотативного фона, денотативного значения и т.д.

Литература

1. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и ее функции // Русистика сегодня. 1995. № 2.
2. Богачева Г.Ф. Лексикографические перспективы семантико-словообразовательного способа определения // Перевод: кадры решают все. М., 2003.
3. Богачева Г.Ф. Абсолютная ценность слова как объект лексикографирования: процедурный аспект // Русский язык за рубежом. 2007. № 3.
4. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. София, 2007. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития.
5. Торощев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985.
6. Ульман С. Семантические универсали // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. Вып. V.

G. F. Bogachjova

INNER FORM OF A WORD AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

Lexicography, explication, semantic derivation, inner form of a word, etymology.

The paper is dedicated to reflection of word's inner form in an explanatory dictionary. Derivative (motivated) words and meanings are defined by means of explication of deriving words (or morphemes) and meanings (or some semantic elements) in definition. The inner form of undervived words are not clear at synchrony and so these lexical units require complementary etymological explanations, which are capable to demonstrate their initial image — the base of designation. Within this theme the object of this paper is also inner form of loan-words and their lexicographic interpretation.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

14—17 мая 2009 г. в Праге проходила XV Международная книжная выставка «Мир книги», на которой Россия впервые выступала в качестве почетного гостя и главного экспонента. В российском павильоне было представлено около 4000 наименований книг более чем 40 российских издательств, 14 тематических книжных экспозиций и 7 выставочных экспозиций. Возглавил российскую делегацию руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. Сеславинский. Современную российскую литературу представляли такие известные литераторы, как Сергей Лукьяненко, Андрей Битов, Марина Москвина, Александр Кушнер, Сергей Чупринин, и др. Особое внимание в рамках российской программы было уделено литературному наследию Чехии и России, а также преподаванию русского языка. После завершения работы выставки книжные экспозиции российского стенда были переданы в дар библиотеке посольства РФ в Чехии, РЦНК и чешским библиотекам.

По материалам Агентства «РОСПЕЧАТЬ» (rospr.ru)